

конечно замѣчая мою радость, нарочно уступалъ мнѣ работу, и я срубилъ почти всѣ деревья, какъ будто этимъ онъ хотѣлъ открыть мнѣ новые ощущенія. Когда мы отправили мужика, онъ сказалъ: «развѣ можно сомнѣваться въ необходимости и въ удовольствіи такой помощи?!».

Одежда Льва Николаевича осталась прежняя, но она не обновляется и видѣ ея весьма изношенный.

При мнѣ въ Ясной Полянѣ художникъ Рѣпинъ писалъ его портретъ. На сеансахъ, несмотря на такую одежду, ветхій ваточный халатъ и старую, кругленѣкую и низенькую шапку, въ которые онъ былъ одѣтъ, видѣ его напоминалъ библейскаго патріарха.

Куреніе, къ которому онъ привыкъ съ отрочества, и виноградное вино, которое онъ всегда пилъ за обѣдомъ, онъ безусловно бросилъ и, какъ известно, основалъ общество трезвости.

Услуги постороннихъ онъ конечно не просить и совсѣмъ ею не пользуется, и рѣдко пользуется сю отъ своихъ близкихъ, которые дѣлаютъ это, какъ удовольствіе въ знакъ его къ нимъ расположенія, а не только ихъ къ нему. За обѣдомъ съ семействомъ, когда блюдо обноситъ прислуга, онъ, видимо недовольный этимъ, не устраиваетъ пользованіе прислугой, потому что съ одной стороны не хочетъ насилиемъ вводить это въ семью, а съ другой— огорчать семью своимъ уходомъ. Свою комнату—кабинетъ онъ ежедневно самъ убираетъ; поэтому вся обстановка въ этой комнатѣ и пыльна и беспорядочна. Но странная вещь!— она не производитъ того непріятнаго впечатлѣнія, которое выносишь обыкновенно изъ всякой другой беспорядочной комнаты.